

Большакова А. Ю. «В суставах вывихнутое время» (о художественных идеологемах в прозе Ю. Полякова) / А. Ю. Большакова // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 6–19.

УДК 821.161.1Поляков.08

«В суставах вывихнутое время» (о художественных идеологемах в прозе Ю. Полякова)

А. Ю. Большакова

Предметом исследования являются принципы и средства воплощения замысла писателя, поставившего перед собой задачу очертить идеологию эпохи в художественном тексте. Признавая необходимость сопряжения литературоведческого и лингвистического анализа художественной прозы, автор статьи анализирует языковые формы с точки зрения особенностей передачи ими идеологического содержания. Идеологемы в прозе известного современного писателя Ю. Полякова рассматриваются как «свернутые смыслы», указатели, ориентиры, по которым читатель может составить представление о «духе времени», описываемого в произведениях, и одновременно понять саркастическую трактовку событий эпохи писателем. Автор останавливается на таких средствах, как прием семантической актуализации, нагнетание отрицательных местоимений и частиц, насыщенность текста сложносокращенными словами. Подчеркивается, что аббревиатуры в повестях Ю. Полякова не ограничены номинативной функцией, они изобличают суть господствующей идеологии, передают состояние бездуховности. По мнению автора статьи, процесс аббревиации раскрывается в повестях как нездоровая речевая мутация, обусловленная эпохой. Особенности изображения Ю. Поляковым идеологической составляющей времени сопоставляются с характерными приемами и чертами художественного повествования, которые обнаруживаются в произведениях В. Дёгтева, В. Шукшина, М. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: идеологема; семантическая актуализация; аббревиатура; Ю. Поляков.

Актуальность исследования идеологем в прозе известного современного писателя Юрия Полякова обусловлена необходимостью сопряжения литературоведческого и лингвистического анализа современной прозы, что позволяет глубже понять особенности ее «художественной идеологии» (термин И. Анненского).

Начнем с очевидного: первые повести Юрия Полякова «Сто дней до приказа» (1979–1980), «ЧП районного масштаба» (1981–1984), «Работа над ошибками» (1985–1986), «Апофегей» (1988–1989) усыпаны советизмами, идеологемами, свернутыми в аббревиатуры: ЦК ВЛКСМ, ЧП, КВН, РК, КПСС, ОБХСС, РУВД, БАМ, ЖЭК, ДЭЗ, КПЛ, – даже выдуманными, типа СМТ (Союз музыки и танца), СМЖ (Союз матерей и жен), СОД (Союз одиноких девушек). На первый взгляд их функция ограничена номинативностью, простым названием без какой-либо попытки придать обозначаемому эмоциональную окраску. Между тем эти аббревиатуры несут у Полякова дух недовоплощённого времени – двойственного, массово-безликого, героического, циничного, аскетичного и по-своему грандиозного и виртуального, как готические шпили сталинских высоток. Так, в повести «ЧП районного масштаба» авторский комментарий к словам работающей в ДЭЗе матери Шумилина завершается задумчивой репликой (по-видимому, самого автора): «А странно: как ни сокращай, всё равно получается нечто, похожее на *имена* (курсив мой. — А. Б.) гриновских героев, которых абсолютно не волновали жилищно-бытовые проблемы» [Поляков, 2001, т. I, с. 142]. Языком аббревиатур передается и феноменальность идеологии (выносящей за скобки все «лишнее» – звуки, краски, чувства), и ее переход в стадию фразеологического развеществления, когда изъясняющиеся на идеологическом эсперанто люди перестают воспринимать живое слово. Оно для них подобно отторгаемым в какой-то иной мир «вульгарно-материальным» проблемам, поскольку обнажает уязвимость оторванных от земной почвы идеалов.

Впрочем, речевые знаки (а где *знак* — там и *идеология*) советской ментальности, скажем, в «Апофегее» – повести о (не)состыков-

ке советского периода с горбачевской перестройкой – это не только «священные аббревиатуры» [Поляков, 2001., т. I, с. 334], но и коды обманутого ожидания. В изображении встречи двух некогда пылко влюбленных на фоне партконференции, должной, по задумке БМП¹, «продемонстрировать небывалое единение краснопролетарского лидера с широкими народными массами» [Поляков, 2001, т. I, с. 319], используемая автором аббревиатура *ХПН*, кажется, обещает хэппи-энд: и в отношениях бывших влюбленных, и в развитии другой «любовной» линии «власть и народ». Увы, под странным буквенным сочетанием скрывается едва ли излечимая болезнь сына главных персонажей: *Хроническая Почечная Недостаточность*. Процесс аббревиации, в частности, образования от ФИО партийного лидера Бусыгина Михаила Петровича, «просвещенным» словом заигрывающего с народом, аббревиатуры *БМП* – с полной перекодировкой семантического ядра (*Боевая Машина Пехоты*) – раскрывается как нездоровая речевая мутация: признак затяжной болезни страны, сначала переименованной из *Российской империи* в *СССР*, а потом и вовсе в усеченное *РФ*, знаменующее упрощение, разуподобление, утрату национальной идентичности.

В повести-памфлете «Демгородок» (1991–1993) аббревиатуры маскируют не только подлинную суть событий, организаций, должностей, вторичность и преемственность установленного адмиралом Рыком тоталитарного режима с прежним псевдодемократическим строем, но и сам факт подмены действительной реальности – мнимой, полную отчужденность последней от естественных чувств и норм человеческого поведения: «Конечно, Курылев знал, что “Принцесса и свинопас” — сложнейшая многоходовая операция, в которой задействовано более полутора тысяч опытейших сотрудников, включая резидентов, а курирует ее лично помощник Избавителя

¹ Михаила Петровича Бусыгина, первого секретаря Краснопролетарского райкома партии, за гротескными чертами которого проступают узнаваемые очертания известной фигуры горбачевского, а затем постсоветского периода. «О прототипе БМП и говорить нечего, его сразу все расшифровали, — отмечал сам писатель в предисловии «Как я писал “Апофегей”». — Это был тогдашний народный любимец Борис Ельцин, заступивший на должность первого секретаря МГК КПСС и наводивший ужас на функционеров своим тонко продуманным жестоким хамством... Он в своей карьерной устремленности напоминал огромную сенокосилку, срезающую любую голову на своем пути. Так оно впоследствии и оказалось» [Поляков, 2001, т. I, с. 310–322].

Отечества по национальной безопасности — “помнацбес”. Иногда у Мишки *возникало чувство нереальности происходящего*: неужели вся эта высококвалифицированная орава уродуется лишь для того, чтобы он, вышибленный из армии подпоручик, мог благополучно завлечь на предусмотрительно раскладывающийся диван эту трогательную кембриджскую уайльдовку и в обстановке страстной неги выведать у нее тайный счет, на котором ее хитроумный папаша хранит денежки, уворованные у доверчивого русского народа?» [Поляков, 2001, т. I, с. 101–102].

В романе «Замыслил я побег...» (1995–1999) аббревиатурный метаязык вырождающейся Системы окончательно превращается в пустой, лишенный содержания, знак. Означающее отрывается от означаемого, словно уже не существующего. Так, должный знаменовать эру демсвобод Комитет научно-технической интеллигенции в поддержку перестройки и ускорения носит уродливое название КНТИППУ [Поляков, 2001, т. III, с. 168]. Как тут не вспомнить о не менее феерическом средстве ускорения – «Антилопе-Гну» из романа Ильфа и Петрова! Так и есть: организация, название которой рифмуется с «Антилопой-Гну», оказывается очередным мыльным пузырем смутных времен, а ее донкихотствующий руководитель Каракозин – «рыцарь Джедай» – гибнет в «раскуроченном из танковых пушек» Белом доме Поляков, 2001, т. III, с. 291]. Брошенный в массы лозунг «техническая интеллигенция – движущая сила нашей революции» [Поляков, 2001, т. III, с. 143] обнаруживает свои подлинные смыслы в сопоставлении с репликой того же Джедая. «Откуда ты взял этих козлов?» – спрашивает Каракозина Башмаков при виде активистов Народного фронта. «А в революции всегда бывают только козлы и бараны», – отвечает Джедай, не подозревая, что вскоре сам окажется в рядах «козлов и баранов» [Поляков, 2001, т. III, с. 145].

Тень от такого «снижения» романтизированных клише падает и на постперестроечную фразеологию, отражающую и самоиронию, реакцию «масс» на «демократические» новшества, и распад идеологического пространства как пространства национально-речевого: космическая секретная организация НПО «Старт» переименовывается (самими же ее сотрудниками)

в «Альдебаран»¹, Лосиноостровское отделение банка — в «Лось-банк», широкую асфальтовую дорогу «изолянты» (политзаключенные) в «Демгородке» с ностальгическим юмором именуют *Бродвеем*. Последний (топографический) образ вбирает в себя и подразумеваемую соцреалистическую идеологему «светлый путь». Американизмы выступают наследниками советизмов. Вербальные знаки идеологической суррогатности и химерических сращений («господарищи»², «благоворот»³, «нацпомбес»⁴) знаменуют, может, последнюю стадию духовно-нравственной деформации, начавшейся еще в советские времена.

В суставах вывихнутое время...

В повести «ЧП районного масштаба» есть сцена комсомольского собрания на майонезном заводике — обычный идеологический спектакль с заранее отрепетированными ролями и «давно составленным и даже отрепетированным текстом» решения [Поляков, 2001, т. I, с. 171]. Несостыковка означающего (идеологических трафаретов) и означаемого (реальной деятельности заводского комитета ВЛКСМ) вскрывает зазор между словом и делом; к примеру, в изображении идущего к трибуне оратора и воспроизведении парадного зачина его речи: «*Деревянным шагом* он подошел к трибуне, ухватился руками за микрофон и, *тряся от волнения ногой*, начал: — Товарищи! *Победным шагом* идет комсомол...» [Поляков, 2001, т. I, с.170].

Куда?

Заготовленное впрок комсомольским функционером «торжественное слово... о больших задачах» [Поляков, 2001, т. I, с.172] майонезного завода, да и все собрание «майонезной комсомолии» [Поляков, 2001, т. I, с.174], вызывает ассоциации с шукшинским рассказом «Крыша над головой», точнее, с обсуждаемой в нем самодельными актерами одноименной пьесой о «героическом» сожжении своего дома сельским жителем. С одной только разницей: в повести

¹ Образовано от искаженного лат. *al(cohol)* 'алкоголь' + баран; то есть «пьяный (одурманенный) баран».

² Иронический неологизм, образованный от внутренне оппозиционных: *господа* + *товарищи*.

³ «Был даже придуман новый термин “благоворот” – государственный переворот, совершённый во благо народу» [Поляков, 2001, т. II, с. 30].

⁴ Национальный помощник беса.

Полякова отрепетированный спектакль прерывается вздремнувшим было заводским наладчиком:

« – Это – трепология какая-то, а не собрание... Отчетный доклад – фигня! “Мы подхватим! Мы опередим! Мы ещё выше поднимем!...” Чего же не поднять? От слов не надорвешься. Ноздряков (секретарь заводского комитета ВЛКСМ. — А. Б.) целый день по делам бегал, кудахтал: из райкома приедут, из райкома приедут! Вот и хорошо, что приехали, – пусть послушают. У нас половина молодежи в общаге живет, прямо за воротами. Занимается комитет общагой? Не занимается...»

– Правильно! *Крышу* (курсив наш. – А. Б.) в общаге почините! – вскочил парень из дальнего угла» [Поляков, 2001, т. I, с. 173].

У Шукшина персонажи «пьесы» корят главного героя за то, что он, «возводя над собой так называемую крышу, тем самым отгораживается от коллектива». То есть «под крышей надо понимать забор. Крыша – тире –забор» [Шукшин, 1973, с. 117], – разъясняет плохо соображающим актерам идею будущего спектакля худрук. Вдохновленный перспективами получения наград, премий в случае успешной постановки спектакля, он не чувствует, как в его истолковании образ крыши-забора обретает все более условный и даже пародийный смысл: «И только тут, на собрании (продолжает вещать руководитель самодеятельности. — А. Б.) Иван осознает, в какое болото затащили его тещь с тещей. Он срывается и бежит к недостроенному дому... Дом он уже подвел под крышу. Он подбегает к дому, трясущими руками достает спички... И – поджигает дом!» [Шукшин, 1973, с. 117–118].

Перестроечная ситуация сожжения недостроенного дома, предсказанная русской прозой в 1970-х годах¹, в повести Полякова раскрывается в несколько ином ракурсе. Протекающая крыша «цивилизационной общаги» – мета беспечного, изживающего себя в р е м е н и бумажно-словесных деяний. Еще не у черты. Но уже и не

¹ В названии обсуждаемой самодеятельными актерами пьесы слово «крыша» взято в кавычки. То есть «крыша» как *верхняя* часть дома, должна защищать человека от непогоды – дождя, снегопада, обретает в семантике шукшинского рассказа прямо противоположный смысл: отгороженности правящей верхушки от действительных нужд страны и недоступности абсурдной партийно-бюрократической логики народному сознанию: «“Крыша” – тире – забор. Это понятно?».

в пространстве районного масштаба: «Он встал, шагнул из-за стола и увидел вокруг окаменевшую и *накренившуюся* (здесь и далее – курсив наш. – А. Б.) зыбь моря. Вверху, на фоне безоблачного, *цвета густой грозовой тучи* неба сияло зеленое *с кровавым* ободком солнца» [Поляков, 2001, т. I, с. 202].

Фабула завязана, казалось бы, на сугубо локальном событии – краже в райкомовском здании, совершенной, как потом выясняется, неким Семеновым, не принятым в свое время в ВЛКСМ. Собственно, и ситуация нелепа, да и говорить не о чем. Шумилин, секретарь райкома комсомола, «охарактеризовал происшествие как досадную случайность» [Поляков, 2001, т. I, с. 137]. Можно, конечно (с высоты нынешнего исторического опыта), определить её как отражение — «в малой капле» — грядущего ЧП в масштабе всей Страны Советов. Однако важнее другое: взаимосвязь между песчинкой и пустыней омертвелых слов и дел, «пустычным» небрежением к человеку и сбоем Системы, его отторгнувшей. Шумилин все-таки не случайно полагает, что «досадная случайность» «*бросает тень на славные дела райкома* (курсив наш. – А. Б.)» [Поляков, 2001, т. I, с.137]. «За свое преступление... (говорит он пойманному злоумышленнику. — А. Б.) ты ответишь по закону, но сегодня тебе придется отвечать перед членами бюро, перед работниками аппарата, перед всеми краснопролетарцами, на которых ты *бросил тень* (курсив наш. – А. Б.) своей выходкой» [Поляков, 2001, т. I, с.194]. Справедливости ради отметим, что этот пафосно-казённый тон задан не Шумилиным, пытавшимся как-то «гнуть *свою* (курсив наш. – А. Б.), воспитательную линию» [Поляков, 2001, т. I, с.124], а третьим секретарем райкома со знаковой фамилией «Комиссарова»: «*это тень* (курсив наш. – А. Б.) на всю районную организацию» [Поляков, 2001, т. I, с. 129]. Шумилин лишь повторяет семантически стертое клише, которое, уже в силу присущей самому языку антонимии, подразумевает существование некоей образцовой, озаряемой светом непогрешимости Системы.

Так прочерчивается след от «комиссаров в пыльных шлемах» 20–30-х годов, героически отправлявших в мир иной сотни тысяч «необразцово-показательных людей», к комиссарам брежневской эпохи с их формальным отношением к человеку, оказавшемуся в положении изгоя, отщепенца, а потом – оппозиционера, мстителя.

А поводом-то послужила вроде бы малость: когда-то Семенов не смог объяснить, почему вступает в комсомол: всем в анкетах продиктовали ответ «под копирку», ему же захотелось своего, личного. Попытка закончилась слезами «исповедующегося» и недоверием секретариата. «Что же получается! Прокатали парня за то, что он честно ответил... Правду говорить себе дороже?» – возмущается один из противников бездушного решения [Поляков, 2001, т. I, с. 200].

Говоря о «недопустимости формального подхода к подготовке вступающих» в комсомол [Поляков, 2001, т. I, с. 199], райкомовские вожди сами же его культивируют. «Тень», отброшенная таким подходом за относительно краткий период в десять–пятнадцать лет, – не только теневая экономика: это – не видимая правящей верхушке жизнь страны и ее народа. «Какой там школьник! Перед ним, откинувшись на стуле, сидел здоровенный мужик, зачем-то одетый в ученическую форму» [Поляков, 2001, т. I, с. 194].

Пока лишь угадывающаяся в «ЧП» участь выросшего из навязанных ему форм, рано заматеревшего парня развернется потом в судьбах персонажей новейшей прозы 2000-х. В рассказе В. Дегтева «Козаный» герой становится вором-рецидивистом тоже из-за формального подхода к одному-единственному проступку: «Мишка сдуру спёр у одного пьяного сумку, где лежало мыло, полотенце и мочалка. И за это-то он и получил свой первый срок – три года общего режима. Адвокат просил судью дать условный срок, мол, парень исправится, да и в армию ему скоро. Нет! А после *суда* судья даже бросил вполголоса (но Мишка услышал), что нечего, мол, жалеть этот человеческий мусор. Из этого паразитического материала, дескать, ничего не получится, сорняк он и есть сорняк. Мишка запомнил эти слова на всю жизнь. И поклялся отомстить» [Дегтев, 2003, с. 49].

Дихотомия лексико-семантических пластов в «Козаном» несет обоюдоснижающую функцию: «Козел!» – это о судьбе, «том самом человеке, который упек Мишку по первой ходке» [Дегтев, 2003, с. 49]. Именно к этому экспрессивно окрашенному ряду «суд – козел», высвечивающему вытеснение казенных идиом фразеологией былых отверженных (или новых хозяев жизни?), стягиваются семантические смыслы и в романе Полякова «Козленок в молоке» (1993–1995). Стягиваются как к ключевой лексеме, заключающей в себе идею выс-

шего суда и истину библейского табу: *«Не варите козленка в молоке матери его»*.

Среди других важных моментов отметим также обозначившееся уже в «ЧП районного масштаба» сращение идеологических ориентиров (официально-партийных и теневых) и, главное, объединяющий их эффект «крыши». В «Апофегее» герой, облаченный автором в «говорящее» БМП, став первым секретарем райкома партии, сразу заявляет: *«Я очищу* (курсив наш. – А. Б.) *район от всей коррумпированной дряни!»* [Поляков, 2001, т. I, с. 338]. Актуализируемая на уровне читательского бессознательного параллель *«новая власть – новая метла»* («очищу – метла») изнутри взрывает популистскую фразеологию «защитника» народных интересов. *«Умеет столица жировать. Всю страну прожрёт и не заметит...»* [Поляков, 2001, т. I, с. 340].

Вслушайтесь, вслушайтесь в эти замечательные слова «скромного партийного функционера» [Поляков, 2001, т. I, с. 402] с барскими замашками! А ведь в них зависть властолюбца, который и сам не прочь прожрать всю страну. И прожрал! – как засвидетельствовал дефолт 1998-го, но не финал повести, написанной десятью годами раньше. Тогда более искушенные борцы за идею «ушли» БМП. Его кресло занял гибкий Чистяков, умеющий пожертвовать единственной в своей жизни любовью, «ободряющей улыбкой выпроводить» секретаршу из кабинета [Поляков, 2001, т. I, с. 408]. Но уже тогда финал этот, несмотря на относительно благополучную для героев развязку, оставлял чувство какой-то незавершенности, недосказанности, временности что ли. *«Это плохо кончится...»* [Поляков, 2001, т. I, с. 403], – говорит Надя Печерникова. Не хочу записывать задним числом автора в пророки, но факт остается фактом: в безумной эйфории тех лет он оказался одним из немногих писателей, связавших изменение правил политической борьбы с глубинными процессами духовно-нравственной деградации. Кончилось действительно плохо. Тайная, подковёрная борьба за власть вылилась в циничный мордобой на глазах у всего народа — Купряшиных («Сто дней до приказа»), Шумилиных («ЧП районного масштаба»), Печерниковых («Апофегей»), Гуманковых («Парижская любовь Кости Гуманкова»), Курылёвых («Демгородок»), Акашиных («Козлёнок в молоке»), Каракозиных, Башмаковых («Замыслил я побег...») и других Труд-

вичей¹, забывших старинную мудрость: когда баре дерутся, у мужиков чубы трещат.

Прием семантической актуализации, т. е. превращения (воображением самого читателя) отдельного слова, фразы, фрагмента в художественную развёрнутую картину, виртуозно использован писателем и в «Козленке» – романе о метаморфозах творческого мышления в период горбачевской перестройки. «Хватит ходить в коротких штанишках. Партия доверяет нам. <...> Всё будем печатать! *Плюрализм...*», — «мужественно» обещает Н. Н. Горынин, секретарь правления Союза писателей, страждущей руководящих указаний литературной общественности.

«Толпа некоторое время молча обдумывала сказанное, стараясь понять тайный смысл этих слов и особенно — последнего, незнакомого, подозрительно оканчивающегося на “изм”» [Поляков, 2001, т. II, с.329].

«Толпа», масса как живое воплощение таинственного «плюрализма» с немим изумлением встречает странное, непривычно-опасное слово «перестроечного» дня. Слово все чаще подменяется паузой, пауза – немотой. Пустоты агонизирующих смыслов заполняются речевыми фантомами – означающими без означаемого: *новое мышление, плюрализм, гласность...* Да и вся завязка романа фиксирует прохождение обществом некоей стадии (само)отрицания — и стадии нуля: замирания слова в поисках смысла.

В романе «Замыслил я побег...» рассказывается, как в НПО «Старт» (потом – в «Альдебаране»), занимавшемся космическими разработками, срезали финансирование:

«...Научную работу свернули, а зарплату не повышали, хотя тех денег, на которые раньше можно было жить месяц, *теперь* хватало на несколько дней. <...>

Докукин поначалу регулярно проводил собрания трудового коллектива...

– Надо, надо, товарищи, думать над смелыми конверсионными проектами! Не мы с вами этот рынок придумали... Но в рынке *жить*...

– *По-рыночьи выть!* (здесь и далее – курсив наш. – А. Б.) — под-сказал из зала Джедай.

¹ Трудович – отчество Олега Башмакова, главного героя романа «Замыслил я побег».

– Вот именно. *Надо прорываться!*.. Например, очень перспективная идея производства биотуалетов для дачных домиков, а также фильтра для водопроводной воды... <...>

И действительно, вскоре были разработаны и изготовлены фильтр “Супер-роса”, а также образец биотуалета “Ветерок-Г” – изящное обтекаемое изделие из мраморного пластика. Оба приспособления хранились в директорском кабинете. И Докукин во время переговоров с предполагаемыми партнерами и инвесторами торжественно указывал пальцем на “Ветерок-Г” и говорил:

– Это – наше будущее!» [Поляков, 2001, т. III, с. 164–165].

С точки зрения проходимца Докукина, *«наше будущее»* (читай: будущее страны, нации) – изящный *биотуалет*. Понятно, что такое будущее вовсе не прельщает «автора»¹. Неслучайно в процитированном отрывке императив «Надо прорываться!» (результат то ли намеренно непонятой, то ли плохо расслышанной реплики Джедая) рассыпается на амбивалентные *жить* и *выть*, причем последнее – *выть* – омоним др.-рус. *выть* ‘участь, доля, рок, судьба’, сохранившегося в рязанском и ярославском диалектах, выстраивает звуковую оболочку джедаевской реплики как парадигму слов *пора* (синоним слова *время*), *ночь* (цветообозначение второй половины суток) и *выть* (не зависящее от воли человека стечение жизненных обстоятельств, предопределяющее его жизненный путь): «по-рыночи выть» = «поры ночь и выть (рок, судьба)». Звуковая парадигма этого смыслообразования выводит на первый план идею иллюзорного времени как времени, зашедшего в тупик. Утратив духовно-нравственное содержание, оно превратилось в Кроноса, пожирающего своих же детей. Елин из «Ста дней до приказа», Семенов из «ЧП районного масштаба», Курьлев и Лена из «Демгородка», Каракозин из «Замыслил я побег...» –

¹ Здесь под завышенным термином подразумевается не реальный создатель произведения, а образ автора – центр, фокус, в котором скрещиваются и синтезируются все стилистические и композиционные приемы, используемые писателем (В. В. Виноградов), а также «мораль формы» (М. Фуко), «этос поэтического языка» (Р. Барт) – то есть система идей и нравственно-эстетических представлений, выраженная в «словесном поведении» писателя. Можно сказать и так: «автор» – это овеществленная в общем речевом стиле незримая фигура спутника героев и персонажей произведения. В приведенном отрывке подлинный лик автора обнаруживает себя на пересечении субъектно-речевых сфер Докукина, Джедая и эксплицитного автора – свидетеля и комментатора увиденного, гаранта подлинности изображаемых событий.

судьба их одинакова: все они лишние на празднике черного цвета. Даже удачливый Шарманов из повести «Небо падших» (1997–1998), «урвавший свою сосиску у рассеянного и вечно пьющего дяди Вани» [Поляков, 2001, т. II, с. 404], и тот признается: *«Нас всех обманули. Всех!»* [Там же, т. II, с. 463].

Башмаков после увольнения из НПО оказывается в неожиданной для него ситуации: «Поначалу ему казалось, новая работа найдется легко и сама собой, *как это случалось* (здесь и далее – курсив наш. – А. Б.) прежде. Но потом вдруг выяснилось: *никто нигде не нужен*» [Поляков, 2001, т. III, с. 170].

Нагнетание отрицательных местоимений и частиц идентифицирует иллюзорное время как пространство, в котором каждый только за самого себя. Распад советской эпистемы порождает опустошение, пустоту – и в сугубо человеческом, и в ситуативно-социальном и функциональном планах. Характерна, однако, живучесть прежних мифоидеологем уже в сознании (пост)советских граждан: «...Он бездействовал, и бездействовал по идейным соображениям, ощущая себя жертвой какой-то чудовищной несправедливости... Несправедливость эта была настолько подлой и умонепостижимой, что такое мироустройство просто не имело права на существование и не могло продержаться сколько-нибудь долго. Оно должно было непременно рухнуть, а из его обломков сложиться светлый и справедливый мир (здесь и далее – курсив наш. – А. Б.), в котором Олег Трудович снова мгновенно обретет годами заработанное достоинство. Только нужна обломовская неколебимость...» [Поляков, 2001, т. III, с. 172].

Герой, ощущая себя обломком былой цивилизации, сохраняет всё те же революционные упования на возможность создания – на руинах прежней жизни – другого, лучшего мира. Ясно, что в рамках такого (гипотетического) мышления отправной точкой становится не поддающееся рациональному объяснению чувство неудовлетворенности, необходимости перемен – и на этой почве строятся зыбкие очертания радужного грядущего («Кто был никем, тот станет всем»), которое должно возникнуть в результате решительного и мгновенного слома уже существующего общественного уклада. Слово не только изобличает антигуманный смысл подобных умонастроений (изображая, указывает), но и самораскрывается как поэтический фено-

мен, не тождественный самому себе. В «Демгородке» в образе адмирала Рыка, пришедшего к власти в результате подавления «Демократической смуты», как и в облике БМП, выделяются черты временщика и временности. Сведение почетного звания героя («*Избавитель Отечества*») к аббревиатуре *ИО* не только не исключает иной расшифровки («*Исполняющий Обязанности*»), но, наоборот, утверждает подтекстовое содержание на единственно верное. Если мы проследим соотношение «говорящей» фамилии адмирала Рыка («рык – рычание»), ее сопутствующих значений (пожирания, поглощения, поедания, кусания), а также иноязычного слова *амнистия* – с просторечным «ам-ам»: «ходят слухи... *Об ам*... *Об амнистии*. Ведь *И.О.* – *великодушная* (курсив наш. – *А. Б.*) личность...» [Поляков, 2001, т. III, с. 10], то убедимся, что ряды усекновения, свертывания (слов – к слогам, буквам, аббревиатурам) передают состояние бездуховности, даже биологизации неоталитарного существования. На то указывает другое возможное свертывание почетного прозвища Рыка (в главе о приходе *И.О.* к власти): «*Будущий Избавитель Отечества*» – *БИО*.

Вывернутое в свою противоположность время – это время хищников и прохвостов, регресса от цивилизованных и цивильных методов управления к псевдодемократии и даже самодержавию в самых уродливых, выморочных формах. Мысль об их укорененности в российской почве не нова. Она относит читателя к образчикам отечественной сатиры XIX века. Так, «особое, нелинейное ощущение времени» [Дмитриенко, 1998, с. 26] в «Истории одного города» обусловлено у Салтыкова-Щедрина представлениями о параноидальной сущности любой власти как топтания (даже не злодея, а обычного властителя-временщика) на одном и том же, как бы уже внеисторическом месте. Но когда меняются лишь внешние атрибуты, даже благие намерения приводят к разрушению: «Весь мир насилья мы разрушим...» и т. д. В «Описи градоначальников» города Глупова дана замечательная характеристика «Угрюм-Бурчеева, бывого прохвоста»¹ и его поистине титанических усилий по разрушению старого мира и построению нового: «*Разрушил старый город и построил другой на новом месте*» [Салтыков-Щедрин, 2003, т. 2, с. 133]. На гиблом

¹ Прохвост, стар. *профѳос* — надзиратель; заимств. из ст.-франц. *prévost*.

месте, добавим мы, имея в виду реформаторский задор БМП и подобных ему «градостроителей».

Рассмотренные в настоящей статье повторяющиеся языковые особенности и композиционные приемы организации текста в прозе Юрия Полякова позволяют истолковывать их как своего рода художественные идеологемы, вбирающие в себя не только ориентиры, по которым читатель может (должен) судить о духе изображенного писателем времени, но и о его, самого писателя, иерархии нравственно-эстетических ценностей. В этом смысле семантическая актуализация письма, нагнетание в нём отрицательных частиц, использование аббревиатур (нередко толкуемых в духе народной этимологии) несут в себе не только отображающую (фиксирующую), но и оценивающую функцию, определяющую в равной степени как лирическую, так и сатирическую тональность произведений.

Литература

1. Дёгтев В. И. Азбука выживания : рассказы / В. И. Дегтев // Роман-газета. – Москва, 2003. – № 22 (1460). – 96 с.

2. Дмитриенко С. Ф. Щедрин : незнакомый мир знакомых книг : литературная критика / С. Ф. Дмитренко ; ред. Л. В. Кутукова. – Москва : Издательство МГУ, 1998. – 96 с.

3. Поляков Ю. М. Собрание сочинений : в 4 томах / Ю. М. Поляков ; примеч. О. Ярикова. – Москва : Молодая гвардия, 2001. – Т. I : Сто дней до приказа. ЧП районного масштаба. Работа над ошибками. Апофегей. Парижская любовь Кости Гуманкова : повести. – 531 с. – Т. II : Демгородок. Козленок в молоке. Небо падших : Повести. Роман. – 526 с. – Т. III : Замыслил я побег : Романы. Рассказы. Апофегмы. – 522 с. – Т. IV : Стихи. Пьесы. Публицистика. – 553 с.

4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 8 томах. – Москва : Терра, 2003. – Т. 2 : Губернские очерки (Окончание). История одного города. – 304 с.

5. Шукшин В. М. Характеры : рассказы / В. М. Шукшин. – Москва : Современник, 1973. – 221 с.

© **Большакова Алла Юрьевна (2013)**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы, Российская академия наук (Москва), allabolshakova@mail.ru.